

«Он завещал... искренность, самобытность, он завещал каждому быть самим собой, он дал всякой оригинальности смелость, дал смелость русскому писателю быть русским», — так почти столетия назад Александр Николаевич Островский сказал о Пушкине. Сегодня поражает то, как верны эти слова по отношению к самому Островскому. Театр Островского... Это не только около

пятидесяти пьес, давших широчайшую картину русской жизни. Это и целое поколение прекрасных актеров, воспитанных на его драматургии. Это, наконец, миллионы зрителей, которых Островский учит пониманию жизни. В той же самой речи о Пушкине Островский говорил: «Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть... Высшая творческая натура влечет и подраживает к себе всех...»

Соотнесите эти слова со спелтаями самого Островского, его влиянием на советский театр, и вы поймете их верность. Сегодня, отмечая полуторавековую юбилей Островского, «Неделя» обратилась к мастерам театра с просьбой рассказать о том, что добавил Островский к их творческой палитре, поделиться мыслями о проблемах современного прочтения пьес великого русского драматурга...

ОСТРОВСКОМУ

Е. ШАТРОВА, народная артистка СССР, актриса Малого театра:

— 150-летие со дня рождения Островского — праздник всего народа, но особенно счастливыми, причастными к этому празднику чувствуем себя мы, артисты, которым выпало счастье играть в пьесах Александра Николаевича. Я с юных лет пристращилась к почерку Островского, люблю его пьесы: читать их, смотреть на сцене и особенно играть в них. Еще в школе сценического искусства педагоги С. И. Яковлев, А. П. Петровский, А. А. Санин учили и воспитывали нас на пьесах Островского: разъясняли, в чем величие и сила драматурга, обращали наше внимание на разнообразие характеров, прелесть и поэзию языка, учили через язык, склад, тон речи распознавать внутренний мир героев, их мысли, желания, надежды и стремления.

За свою сценическую жизнь я сыграла 36 женских ролей в пьесах А. Н. Островского. Большую часть из них — в Малом театре. 36 индивидуальностей! И 36 типов.

М. ЯНШИН, народный артист СССР, актер МХАТа:

— В моей человеческой судьбе было бесконечно много встреч с драматургией Островского, в судьбе творческой — только три: в «Поздней любви», «Горячем сердце» и в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты», где репетирую сейчас роль Мамаева.

Но я не вправе считать себя обделенным, ибо каждая из этих ролей — работа всей жизни. И все же... У каждого актера и у меня тоже есть «тайный» список так и не сыгранных, но бесконечно любимых образов. В этом списке — Карандышев. Роль не просто «моей» темы — темы «маленького» человека, а роль, как мне кажется, — квинтэссенция главной темы Островского — драматурга, говорящего об откровениях человеческого чувства.

А. ГРИБОВ, народный артист СССР, актер МХАТа:

— Мое первое знакомство с Островским состоялось в 1919 году, когда, будучи 17 лет от роду, я сыграл Бессудного в «На бойком месте» и Любима Торцова в «Бедности не порок». Тогда началось увлечение театром вообще и театром Островского в частности. Театром, который полвека спустя, любя и чтя Мольера и Шекспира, Чехова и Горького, я ставлю во главу угла.

В. МАКАСЕЕВ, заслуженный артист РСФСР, актер Костромского театра им. А. Н. Островского:

— За долгие годы работы в театре мне посчастливилось сыграть более двадцати самых разных ролей в пьесах Островского — от Незнамова и Несчастливцева до Курслепова и Мамаева. И если бы сегодня меня спросили, что добавил Островский к моей актерской палитре, я бы, не задумываясь, ответил: умение перевоплощаться

— главное, как мне кажется, в актерском творчестве! Многогранность палитры драматурга заставляет быть многогранной палитру актера. Тонкая наблюдательность требует и от актера зоркого, все подмечающего глаза, образное величие речи учит языку. Наконец, талантливость образов Островского, незаурядность его героев рождает и в актере стремление к незаурядности, ибо самое трудное, но и самое заманчивое — сыграть человеческий талант.

Н. АННЕНКОВ, народный артист СССР, актер Малого театра:

— Мне посчастливилось играть «разного» Островского: и трагического, и смешного, играть тех, кого он любил, и тех, кого ненавидел. И я по мере сил старался, чтобы залу передалось отношение Островского к его герою. Как-то про Белоголова мне сказали: «Ваш герой — выше грабежа». И это одно из самых теплых воспоминаний моей актерской судьбы.

А. РОГОВЦЕВА, народная артистка УССР, актриса Киевского театра имени Леси Украинки:

— Я счастлива, что первая моя встреча с Островским стала встречей с Ларисой. Но это очень трудное счастье. Приходится пересматривать свою актерскую технику, ибо Островский не терпит фальши; и вместе с тем он драматург «громкий», яркий. Он не терпит неопределенности; и вместе с тем Лариса неуловима, в ней много недосказанного.

Спектакль «Бесприданница», премьера которого состоится в нашем театре в канун юбилея Островского, — спектакль о несомненности духовно богатой, чистой личности и бездушиного, вернее, бездуховного мира, в котором она живет. Мне кажется, это тема многих пьес Островского.

Л. РАХЛЕНКО, народный артист СССР, актер и режиссер Белорусского театра имени Янки Купалы:

— Помню, еще до войны знакомый ленинградский режиссер пригласил меня по-

разумевая под «бытом» не одежду сцены, а приглушенную обыденность показав героев Островского. А ведь он рисует людей и события неординарные. Всплеск страстей, а не созерцание. И требует от актера игры на самом высоком взлете темперамента, когда нервы натянуты струной, вот-вот готовой оборваться. Я понял это на собственном опыте, репетируя «Пучину». В тот момент, когда Кисельников, совершив подлог, пойдя против своих правил, своей честности, лишается рассудка, режиссер предложил мне взойти на стол, как на эшафот, и с криком «Маменька...» упасть без сознания. Я никак не мог приспособиться к необычности мизансцены до того момента, как на одной из репетиций меня «занесло» и я буквально взлетел на стол.

И вот тогда-то я понял, какая огромная сила должна быть внутри, чтобы играть Островского. Режиссер В. Кожич помог мне найти себя в Островском. Он работал со мной над ролью Гаврилы в «Горячем сердце», и буря чувств ожила в моей душе, я понял, что, если театр не усилит линию Гаврилы, Параша, Аристарха, спектакль будет просто неверно прочтен. Не только активная борьба со злом, но и активная борьба за счастье — это тоже есть в Островском, и это нужно сегодня залу.

ТОЛЬКО В ОДНОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИДУТ СЕГОДНЯ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ СПЕКТАКЛЕЙ, ПОСТАВЛЕННЫХ ПО ПЬЕСАМ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ОСТРОВСКОГО.

14 ЯНВАРЯ 1853 ГОДА НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА БЫЛ СЫГРАН СПЕКТАКЛЬ «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ». С ТЕХ ПОР МАЛЫМ ТЕАТРОМ ВОПЛОЩЕНО 47 ПЬЕС ОСТРОВСКОГО.

ПЬЕСЫ А. Н. ОСТРОВСКОГО ПОСТАВЛЕНЫ ТЕАТРАМИ ВСЕХ ПЯТНАДЦАТИ СООЗНЫХ РЕСПУБЛИК. ОНИ ЗВУЧАТ НА ТРИДЦАТИ СЕМИ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР.

Мне довелось играть великие роли, в великом театре. Это счастье.

Высокая отправная точка дана Малому театру. В актерском мастерстве — от Щепкина, в драматургии — от Островского. От них — одновременно и масштабность, и трепетность исполнения. От них — стремление будить в людях лучшее. От них — протест против насилия над человеческим существом. Его искусство направлено не на развлечение, а на потрясение зрителя и через это потрясение на мобилизацию в борьбе со злом.

Н. ВИЛЬКИНА, актриса Малого театра:

— Начав репетировать Негину в спектакле, поставленном Марией Осиповой Кнебель в Театре имени Маяковского, первое и, пожалуй, главное, что я поняла, — это то, что Островскому свойственны страсти Достоевского. Какая она, Негина? Довольно неприятная особа, предающая свою любовь из-за карьеры? «Из-за»... А можно сказать: «во имя». Во имя театра, в отношении к которому она проявляет поистине стоицизм. Это же трагическая ситуация! Негина слаба и вместе с тем прекрасна, сильна — в том, что верит себе, не предает душу свою, душу актрисы. Мы все в жизни зависим от мнений окружающих, прислушиваемся к ним. Негина слушает только себя, и в этом — мужество.

смотреть «Грозу» — новый и очень удавшийся, на его взгляд, спектакль, в котором было лишь одно «но» — не получилась... Катерина. Парадокс? Случайность? Но столь уж редкое явление в наш «режиссерский» театальный век?

Опыт убедил меня в том, что только через актеров, через поиск сегодняшнего звучания создаваемых ими образов возможно то, что мы называем «современным» прочтением драматургии Островского.

Произведения Островского не просто драматургия, они — драматическая поэзия. И от самой первой своей работы над Островским — постановки на сцене Театра им. Янки Купалы пьесы «Волки и овцы» (переведенная на белорусский язык нашим замечательным классиком К. Крапивой, она познакомила белорусского зрителя с Островским) мы старались открывать зрителю не бытописателя, а поэта Островского.

Островский — «актерский» драматург, он доверяет артистам, их душе, их таланту.

А. БОРИСОВ, народный артист СССР, актер Ленинградского театра имени Пушкина:

— Считается, что «везет» в спектаклях Островского актерам острохарактерным, бытовым, что сам драматург дал повод этому, выписав, например, в «Горячем сердце» монстров, их тему ярче, чем тему самого «горячего сердца». Мне кажется, ошибочность этого суждения кроется в том, что Островский в какой-то степени «забыл» (я под-

народная артистка
Островского театра имени

Имя Островского не нуждается ни в оценках, ни в признании. Время сделало все это уже давно. Нам досталось только горячо благодарить судьбу за счастье прикоснуться хоть немного к его замечательному творчеству.

Мне посчастливилось сыграть в одном из лучших произведений Островского — «Доходном месте» — роль Полины.

Для меня это было счастьем в полном и точном значении слова. Роль так выразительно и ярко написана, что достаточно было точно следовать за автором, который как бы являлся режиссером роли, подсказывая своим текстом, что и как надо делать актеру.

М. ЯНШИН. Островский был, есть и всегда будет современен, ибо, пока жив человек, живы и чувства человеческие... И не случайно в годы конструктивизма, когда даже во II студии МХАТ в «Грозе», «положительных» героев одели в парчу, «отрицательных» в рубище, а выход Катерины сопровождался обязательным трагическим аккордом в музыке, самым современным оказался спектакль Станиславского «Горячее сердце», ибо новое прочтение Островского, как мне кажется, в глубоком вскрытии пороков устаревшей морали.

Здесь могут угадываться акценты, наиболее созвучные данному времени, — и в этом простор для проявления тонкости и мудрости режиссера. Но когда я

Его надо прочитывать — и играть прочитанное. И все...

И еще нужно, просто необходимо неоторпливое внимание к Островскому: к его скупым ремаркам, которые являются почти режиссерскими указаниями, к безусловной индивидуальности каждого его слова.

Е. ШАТРОВА. Работая над пьесами Островского, познаешь жизнь. Люблю мудрость Островского, его неумолимую логику в развитии образов, до конца выдержанные характеры и всегда — достоверность и всеутверждающую правду.

Какие тонкие наблюдения! Я до сих пор не перестаю восторгаться и удивляться его проникновению в самые сокровенные тайники женской души.

И мне радостно видеть, как эти пьесы, до революции часто не делавшие сборов и быстро сходявшие со сцены, покоряют сегодня советского зрителя.

Радостно ощущать, что живые творения Островского нужны, необходимы нашему народу.

Н. ВИЛЬКИНА. Островский был и до сих пор остается для меня «тяжелым» автором. Из-за открытого темперамента, требующего от актера особой возбудимости. Из-за канонического, очень глубинного ощущения корней, которое надо выразить, оставаясь современным актером.

У Островского каждое слово — барьер, препятствие, которое мы мучительно пытаемся взять. Аксюша в «Лесе», — а в

это как общение с живыми людьми, хорошо знакомыми и все равно неожиданными.

Мне невероятно интересны люди, написанные Островским, общение с ними. Значит, они интересны и залу, где сидят такие же, как я. А стало быть, Островский современен.

Н. АННЕНКОВ. Роль режиссера, применительно к драматургии Островского, мне кажется, должна быть более всего педагогической, толковательной. Это не значит, что фантазию следует зажать в тиски, оставив лишь разум. Но «умереть» в актере, ставя Островского, по-моему, не грех: ведь сам Островский «умирал в актерах»... А фантазия режиссера здесь — тоже помощник актера, изобретательный и мудрый.

Так репетировал я Андрея Титыча, одну из самых любимых своих ролей. И видел своего героя этаким Ромео в купеческом платье. Режиссер меня не раз убеждал, лишь в самый разгар патетического монолога, когда отец гневно на Андрея замахивается, предложил присесть, увертываясь от удара. И в этом мгновении проявилось и умение моего героя приспосабливаться к обстоятельствам, и расчетливая отдача себя. Купеческое платье «жаловало» Ромео. Так от режиссерской подсказки было найдено верное самочувствие. А от верного самочувствия идет и наслаждение игрой, своим пребыванием в изумительном мире Островского, с его богатейшей речью, которая, как мне кажется, не только переводима на чужой язык, но и не нуждается в переводе, ибо в ее мелодии — уже смысл образа, его характер, темперамент, судьба.

А. ГРИБОВ. Мне кажется, Островский мог бы быть блестящим актером. Право утверждать это дают не только театрические положения Островского, но

СЕМЬ РУССКИХ ГОРЮДОВ:
КАЛИНИН, ГОРЮДНЯ, ОСТАШ-
КОВ, РЖЕВ, КИНЕШМА, КОСТ-
РОМА, ТОРЖОК ОСПАРИВА-
ЮТ МЕЖДУ СОБОЙ ПРАВО
СЧИТАТЬСЯ РОДИНОЙ «ГРОЗЫ».

ПОСЛЕДНИМ ТВОРЕНИЕМ ОСТ-
РОВСКОГО БЫЛ ПЕРЕВОД «АНТО-
НИИ И КЛЕОПАТРЫ» ШЕКСПИРА.
ЕМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ПЕРЕВОДЫ
ГОЦЦИ, ГОЛЬДОНИ, ПЛАВТА,
ТЕРЕНЦИЯ, СЕРВАНТЕСА.

сталкиваюсь с тем, как калечат удивительный язык Островского, перемонтируют пьесы, лишают их точных бытовых определений, то есть лишают того, что сам Островский считал необходимым, становится горько. И хочется напомнить слова Луначарского, сказанные им на столетии великого драматурга: «Назад, к Островскому». И добавить от себя: «Вперед, к Островскому!»

Н. АННЕНКОВ. Человечность — то, что делает произведения Островского всегда современными.

А современная манера исполнения Островского, мне кажется, в том, что актер должен идти от себя, не «надевая колпака». Пускай потеряет в яркости, но приобретет в органичности. Впрочем, здесь таится опасность другого порядка. Если раньше Островского ставили излишне шаржированно, то теперь появляется штамп так называемой простоты. Островский позволяет выявить человеческую сущность своих героев настолько, насколько позволяет это сделать человеческое содержание актера. И в этом плане его драматургия — самая качественная лакмусовая бумажка для выявления актерского таланта. Он дает полный простор творческой индивидуальности — была бы индивидуальность!

А. БОРИСОВ. Когда я на примере «Горячего сердца» говорил об «усилении линии», то боже упаси увидеть в этом призыв к ревизии драматургии Островского.

Глубже прочесть — да, но всяческим переделкам пьесы Островский сопротивляется ожесточенно и справедливо. В этом я тоже убедился лично, попытавшись сделать драматическую роль Аркашки в «Лесе», дабы ярче показать трагическое положение актерской братии. Даже некоторые реплики мы с режиссером вымарали: казалось — цель оправдывает средства. Когда же стали «прогонять» спектакль — тоска получилась смертная... Только возвращение к Островскому вернуло сценичность образу. А наработанный драматизм остался «подтекстом», углубив роль, дав возможность сыграть Аркашку некогда очень одаренным, душевным человеком, жестоко сломленным жизнью.

Л. РАХЛЕНКО. Островский не делил персонажей на одноцветно «положительных» и столь же одноцветно «отрицательных». Тем более сегодняшнему зрителю не нужна заданность характеров. Люди сложны и разнообразны. И великий драматург писал их такими. И актерам интересно играть таких героев.

Так, Фрол Федулыч Прибытков. Характер, как всегда у Островского, очень многоплановый. Хотелось отойти от примитивного разоблачения цивилизованного буржуа его собственнической философии. Мне кажется, не «покупает» он Тугину, чтобы укротить его свой дом, и не потакает своему мужскому самолюбию толкает его к Юлии. А последняя любовь. Последняя вспышка стареющего сердца. Последняя — как ее жертва.

А. РОГОВЦЕВА. Работа над «Бесприданницей» убедила меня в том, что нет проблемы современного прочтения Островского. Он просто современен. Как современны любые человеческие чувства.

Малом театре сейчас репетируют «Лес», — говорит: «Пусто»... Слово, как конец... Я в репетициях его просто пока пропускаю. А как сыграть финал? Когда есть уже эти несчастные деньги для счастья, а сил быть счастливым нет: они все ушли на борьбу. Островский — колоссальной силы трагик. И он необходим для того, чтобы «встряхнуть» зал, сделать его добрее или злее.

М. БАБАНОВА. Хотя роль Полины в «Доходном месте» была одна из первых ролей в моей жизни, тем не менее давалась она удивительно легко. Актерского «труда» в обычном смысле этого слова как бы и не существовало вовсе. Чудесный, музыкальный, выразительный текст. Необычайная прелесть его чистоты, наивности, детскости в сочетании с тонким юмором... Роль, работа над ней живы в моей памяти до сих пор.

М. ЯНШИН. Для каждого актера Островский — незаменимая школа, где учат одновременно и гротеску, и полнейшему отсутствию фальши, настоящему русскому языку, безупречной логике поведения. Умение «играть» Островского, мне кажется, это умение «прочесть» роль, а уж она сама за себя сыграет.

Помню, в Минске, отыграв «Позднюю любовь», ехал я в машине на вокзал. Поглядывая на меня, шофер часто вздыхал, а когда я, не выдержав, спросил, что с ним, ответил: «Здорово у вас роль написана...»

Это была самая дорогая в жизни похвала моей актерской работе.

В. МАКАСЕЕВ. Роли Островского, если так позволительно выразиться, требуют от актера высшего пилотажа.

Дают ему огромную радость и... постоянное чувство творческой неудовлетворенности.

Потому, что роль все равно богаче сыгранного, в ней можно найти новые краски, новые неожиданности, завтра что-то добавить к найденному сегодня... Общение с его героями —

и роли, безупречно написанные и по логике поведения, и по эмоциональной психологии. Все самые страстные, гневные, грустные свои мысли Островский преподносит залу через естественные отношения естественных людей, играемых актерами. Как не мешало бы многим сегодняшним драматургам поучиться этому у Островского. Каждая его пьеса — произведение музыкальное и от актера требующее абсолютного слуха.

Ну, а музыкальность актера, как мне кажется, — это его органичность. Только в сочетании с ней позволительна та необузданная фантазия, без которой немислим Островский, сам обладавший такой фантазией. Репетируя со мной роль антрепренера в «Талантах и поклонниках», Станиславский сделал мне одно-единственное замечание: «Вы, конечно, характерный актер, то есть комик. Вам будет приятно, что публика будет хохотать. Но играть ради животного смеха — это для цирка. А Островский не цирк, у него смех сквозь слезы...»

Смех сквозь слезы. Вернее, слезы сквозь смех. Обличительная сила Островского, вызывающая в зрителе активное неприятие зла, — современна. Не потому, что не все изжито и на то или иное надо обратить внимание. А потому, что неприятие зла надо воспитать в зрителе как черту характера. А для этого я как актер должен сделать его соучастником спектакля, а не равнодушным созерцателем, откинувшимся на спинку кресла. Островский позволяет вырвать зрителя из благодушного состояния удобства. Силой страстей своих позволяет. И этим он навсегда современен.

Беседу записала
С. ОВЧИННИКОВА.

НА СНИМКАХ:

● Сцена из спектакля «Горячее сердце»: Градобоев — М. М. Яншин; Хлынов — А. Н. Грибов.

Фото И. Александрова.

● В роли Ларисы («Бесприданница») — народная артистка УССР А. Н. Роговцева. Фото ТАСС.